

История наша не оригинальна...

Анна КУЗНЕЦОВА

Илья Аронович, ваш коллектив в очередной раз переживает разлуку. Что же это такое, год два, максимум три — и в очередной раз уходит главный режиссер. И не впервые вы становитесь героями статей, сплетен, официальных и светских обсуждений, оказывается в энципедрии свежего театрального скандала: в театре ушли один из самых ярких представителей молодого режиссерского поколения, Сергей Женовач, а за ним — группа актеров. Тут же вспоминаются режиссеры Евгений Лазарев, Владимир Пуртов, их как у нас тоже был коротко.

— Да, у нас в театре — беда, которую, увы, как-то не в упор до последнего главного режиссера Сергея Женовача, а гораздо раньше. Наш театр с историей, а памятью лобовая и успешная. Его ставил великий режиссер Михаил Сидоров. Здесь начинался театр Стари и Валентин Плухач. Десять замечательных лет связан с имением Андрея Александровича Гончарова. Нелегко соответствовать сложившемуся творческому коллективу со своими традициями, с критериями успеха, выработанными за десятилетия, знавшему составу труппы с Анатолием Эфросом.

Нельзя говорить о сплоченности. Но, наверное, надо разделить часть коллектива. Да в истории наша не оригинальна. Пришел в театр главный режиссер да переживает не только нам. Это конечно, приходы и уходы. Это надо решать, когда творческим руководителем становится учитель, воспитатель умишкой и инстинктивный театр из студии, как в случае с Олегом Табаковым. В свое время так было у Мисюкова в Новом театре или как раньше, в театре имени Уриель Лосинова на Таганке. Или когда театр возглавлял бесспорный художественный лидер — так Марк Захаров, Андрей Гончаров. Но много театров режиссера менише, потому что встречается разные люди, поколения, привычки, настроения, группы интересов, наклонности. И тогда мало даже таланта, нужны большие истеричные усилия в связывании.

— Но вы же лучший специалист последнего сезона были именно следователю Женовача: трилогия по «Мидурту Достоевского», «Мальчик», «Одну», «Вампир» и «Свят», «Ночь перед Рождеством», «Пять верюгов»... Их хвалили критики, они получили престижные дипломы.

— Я не хочу ставить под сомнение качество этих наших спектаклей. Но должен заметить, что между сценичным просоном, критиком и публикой часто возникали «ночницы»: критики восторгались, а зрительный зал был пуст.

— Вот Женовач и обвинил администрацию в том, что она нарочно не «продвигала» его спектакли.

— Ну, уж тут ничего не ответить. Можно представить себе директора, который был бы заинтересован... в пугать зрительных лягушек? Сергей Васильевич достоин публично поспорить, что не хочет делить интересы, достояние своего обидного наговора на мои обиды сует.

— Мне тоже однажды довелось в нем разговаривать, хоть и по телефону. Он мне тогда сказал, что не будет выносить

ра. Его профессиональные обязанности — любить артистов, раскрывать их, заниматься их ростом и воспитанием.

— Я старался во всех своих выступлениях быть предельно осторожным, лояльным. Сергей Васильевич — бесспорно талантливый человек. И ему еще долго жаль в искусство. Но, наверное, в его интересах и ради нашего коллектива, а может быть, еще и для других — ведь подобные случаи копируются собственными театрами — стоит выслушать правду. И про то, что режиссер-постановщик и главный режиссер — это разные профессии... И что студийный театр в комнате и большая сцена — это тоже разные вещи.

— В других ваших комментариях вы были более острожными и уклончивы. Я вам благодарен за открытость и прямоту. Действительно, в подобных случаях надо говорить или все, или ничего. Чтобы позволить людям самим судить и думать... И во имя будущего докопаться до истины.

— Конечно же, Сергей Женовач талантливый. И мы сами его пригласили. И радвался его приходу. И условием его прихода к нам было, чтобы он привнес в наш театр свои артисты. Мне видится в этом знак судьбы. Ведь Эфрос тоже когда-то пришел с двадцатидюью артистами. Он же делавший — апостольское число. И сам Женовач похож на Иисуса... Но тот же Эфрос хоти и работал в основном со своими артистами — Жасельев, Дуровы, Волковы, Крутые, Говенич, Сайфуллин, насколько не противоставлял «своих» чужим». А тут возник отдельный театр в театре. Женовач занялся с спектаклем только «своими», об остальных не думал. Что они делают, чем занима-

— Но мы же ставили ему определенные условия?

— А как же? Выполнять положенные главному режиссеру обязанности. Помните, не с Коганом у него был конфликт, а с коллективом. Это гораздо серьезнее и болезненнее. На традиционном собрании группы, завершающей сезон, не было ни своего выступающего, кто выразил бы сожаление об уходе Женовача.

— Но, может быть, действительно, не может быть в театре двух сильных лидеров? Может, применительно к театру особенно важно иметь одного сильного лидера в одной берлоге...

— Получается, что мне выносятся в вину, что я — сильный директор? Этого-то добиться проще всего: нет настоящего главного режиссера, может и не стать директором. Что тогда: звать театр? Лидер в театре, как и в любой другой организации, не должен быть авторитарной личностью. Лидером не назначивают, мы становимся.

— Илья Аронович, представьте мой, может быть, безостановочный вопрос. Но уход Эфроса, хоть он и был всегда в нем одним из главных режиссеров, стал началом разрушения вашего театра, некоторые — тоже не отрицают — с вами и чуть ли не вникать все в замлопаченное собрание, после которого он ушел.

— Не хотелось мне сегодня об этом вспоминать, но опять вынужден открыть стенограмму того собрания. Вот из выступления Эфроса: «Я общался с вами про Когана. Илья Аронович не сделал мне ничего плохого. Наверное, он почти всегда меня поддерживал. У меня по отношению к нему никаких личных мотивов. Он человек умный, короче, все знает».

Под конец сезона в Театре на Малой Бронной разразился скандал: с поста главного режиссера ушел один из наиболее интересных московских режиссеров Сергей Женовач и несколько ведущих актеров театра. Предлагаем вам два взгляда на ситуацию — директора Театра на Малой Бронной Илья Когана и нашего театрального обозревателя. Очевидно, что конфликт на Малой Бронной взбудоражил всю театральную общественность. Наша газета открыта для публикации любых мнений по поводу происшедшего, осмысления конфликта со всех позиций.

Отдаст культуры

— и избы, что все происходит в театре — внутренние дела, не касающиеся ни города, ни прессы. Что он пришел работать, а не выносить отношения. Если разговаривать, то понаслушайтесь, а Гоголю, а Достоевскому... Но добавим, что так было всегда, сменяя друг друга во всех театрах — процесс болезненный, но необходимый. И то, что в общем-то, не срывая само негативное отношение. К сложившейся труппе и ее нынешнему состоянию. А в расставании сил, как она ему видится, было очевидно, что представляет новое, прогрессивное, а что старое, отжившее.

— Вот это-то и было его главной ошибкой. Плохая труппа? Зачем и мне пришел? Хоться создавать свой коллектив — не надо для этого разрушать другую, живущую. Строй, открывая новый театр не за счет других. А приходишь в театр — лопать его, это, знаешь ли, не строить. Приходить для того, чтобы обихать артистов неуважающим к ним, противопоставлять их новым моделям, приходящим в труппу вместе с тобой, это не может быть плодотворным.

— Но, может быть, действительно Розанов, Марков, Тамаева, Назаров, Качаев предлагали гораздо более высокий уровень современной модели, приходящим в труппу вместе с тобой, это не может быть плодотворным.

— Негрива это. Я не хочу противопоставлять одного хороших артистов другим, достаточно коллектив страдался. Но ведь это и несправедливо. Разве плох Дуров, Мартынов, Сайфуллин не были в числе лучших, когда Женовач пригласил их для участия в своем спектакле по роману Достоевского? Разве плох поставленный Львом Дуровым спектакль «Страсти по Тюрчелло»? А роли, сыгранные там Олегом Волковым, Иваном Шаблазовым, другим, не свидетельствуют о больших возможностях артиста? Но не директорского это дело — судить актеров. Я вынужден защищать их. Хотя это прямо дело главного режиссе-

ра. Большинство нововывало из действующего репертуара было ему безразлично. Его же артисты отказывались участвовать в спектаклях других режиссеров. Просто режиссеру еще позволительно, хоть и нежелательно так себя вести. Но — не главному. Первым года работы Сергей Васильевич был очередным режиссером. Потом захотел стать главным, сам себя провозгласив на эту должность. Мы подписали контракт, где были оговорены все права и обязанности. Мне не в чем себя упрямить. Я во всем шел ему навстречу: от прописки и квартир в Москве до выполнения любых постановочных задач. Он ставил, что хотел, пригласил актеров, режиссеров каких хотел. Своим делом обеспечивать необходимые для творчества условия — и зная. Слава богу, более 30 лет — директор театра.

— Но Сергей Васильевич, напротив, полагал, что ему мешал авторитет вашей власти. Он хотел бы быть на главном режиссером, и художественным руководителем. То есть чтобы в театре были не два равноправных руководителя, а один — художественный и творческий, а один — один, и вы в его подчинении.

— К сожалению, борьба за власть — и примеров тому у нас в стране масса — часто происходит отдельно от необходимости деления и добросовестно делить свое дело. Проблема взаимоотношений двух театральных руководителей — директора и режиссера — во многом надумана, у каждого свое поле деятельности, у директора достаточно широкий круг хозяйственных, административных, финансовых забот, чтобы ему вмешиваться в собственно творческие дела. Не власти не хватало Сергею Васильевичу, воли. Организаторские качества и умения. Не декларировать, что и в театре не надо работать.

— Смею предположить, что и ушел-то не потому, что в сплывающих сам понимал — не сплывающих, а вину ему надо делиться в театре на любых условиях: очередным, главным режиссером... Не захотел.

— Назначение Эфроса главным режиссером не Таганку было дявольски спланированной акцией. У нас в театре уже действовал директор. Но тогдашние партийные власти ведь не назначили его у нас главным режиссером? Если бы назначили, Мироз Зенаров, делая коммуникации с администрацией и с ним самим, с Таганкой и... с нашим театром. Хотя, конечно же, при любых решениях нам самим тоже надо еще жмуть учиться беречь друг друга, помогать, говорить правду, улететь на ошибки и быть способными служить театру. Дело это ох какое неприятное!

— Что сейчас вы собираетесь делать?

— Работать. Плонно много. Есть нечестные спектакли. Хотим отдать малую часть, для нас режиссер Игорь Дривалев, ученик Мироз Зенарова, делая коммуникации по рассказам Ивана Бунина. А на большой сцене режиссер из Татарбу Александр Исавов будет ставить пьесу популярного драматурга Ила Саймеса «Дурин», еще один режиссер Битория Харченко — французскую комедию Жана Ануй «Путьшествова без багажа», светлые будни репатриентов. Определяется с выбором своей постановки Лев Дуров. Предложу много, рассматривая. В театре есть художественная коллекция. Конечно, она не заменит главного режиссера. Но и пока его нет — будем продолжать работать.

Илья Коган не в воят, что он сильный директор

Два медведя в одной берлоге

ber. Markov. 1998 - 11 июля - с.7